

Посвящается Моше Левину

Благодарности

Эта книга не была бы написана без поддержки множества людей и учреждений. Необходимые поездки стали возможны благодаря щедрым грантам от Совета международных научных исследований и обменов (IREX) и Совета по исследованиям в области социальных наук (SSRC). Стипендии от Гуверовского института войны, революции и мира и Гарвардского центра российских исследований позволили мне в течение нескольких лет изучать богатые фонды этих учреждений. Они обеспечили меня очень разнообразной, но в равной степени дружной и стимулирующей рабочей средой. Я в долгу перед этими организациями за такую поддержку. Кроме того, я благодарен Делавэрскому университету за критически важный отпуск и за финансирование исследовательских поездок в Россию и на конференции специалистов.

Мне удалось представить свою работу на ряде академических форумов, и я смог извлечь пользу из комментариев и предложений моих коллег, особенно организаторов и участников Европейского семинара по российской и советской истории и конференции по истории рабочего класса и рабочего движения, которая прошла в Университете штата Мичиган в ноябре 1990 года. Отрывки из второй главы выходили в несколько измененном виде в 36-м номере журнала *Cahiers du monde russe* [Shearer 1995]. Часть восьмой главы вошла в мое эссе [Shearer 1993]. Я благодарен за разрешение использовать эти материалы в данной книге. Кроме того, я благодарен Гуверовскому институту, а также директору и сотрудникам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), позволившим мне использовать фотографии из их коллекций.

Решить мои исследовательские задачи оказалось легче, чем я предполагал, благодаря компетентным и отзывчивым сотрудникам нескольких библиотек. Я признателен за помощь сотрудникам библиотеки Александра Байкова в Центре российских и восточноевропейских исследований Университета Бирмингема, библиотеки современной международной документации в Париже, библиотеки Немецкого музея в Мюнхене, библиотеки Международного бюро труда в Женеве, архива и библиотеки Гуверовского института, библиотеки Уайденера в Гарвардском университете.

Основная часть исследований для этой книги прошла в советских и российских архивах. И я благодарен множеству людей и организаций за то, что мои командировки получились настолько продуктивными. Я в большом долгу перед сотрудниками того, что долгие годы называлось ЦГАОР и ЦГАНХ, — советских государственного и экономического архивов (ныне — ГАРФ и РГАЭ), и перед персоналом РГАСПИ, бывшего центрального архива Коммунистической партии Советского Союза. В начале 1990-х годов, на которое пришлось основная часть моих исследований, сотрудники этих организаций работали под невероятным давлением. За политическими, экономическими и административными потрясениями, связанными с распадом Советского Союза, последовало нашествие ученых в только что открытые архивы. Но даже столкнувшись с постоянной неопределенностью и тяжелыми рабочими условиями, многие консультировавшие меня мужчины и женщины продолжали заниматься своим делом с мужеством и спокойствием, сохраняя позитивный настрой и вкладывая в него всю душу. Их знания оказали неоценимую помощь и мне, и многим другим историкам.

Также я благодарен персоналу Российской (бывшей Ленинской) государственной библиотеки в Москве и ИНИОНа, библиотеки некогда Советской, а ныне Российской академии общественных наук. Особенно мне бы хотелось отметить сотрудников отдела фотокопий ИНИОН, любезно предоставивших мне сотни страниц документов в формате микрофильмов. Они доказали, что счеты по-прежнему быстрее электронного калькулятора, и должны этим

гордиться. Также я благодарю Центр гуманитарных и социальных наук МГУ, особенно А. В. Сурина и А. Г. Барабашева, обеспечивших меня во время нескольких моих поездок финансовой поддержкой и академическим домом, в котором никогда не жалели чая. Также я хочу сказать спасибо Институту истории Советской и Российской академии наук и лично В. П. Данилову за его поручительство и время, которое мы провели за обсуждением истории СССР и России.

В интеллектуальном плане я больше всего обязан Моше Леви-ну, неизменно задававшему самые высокие стандарты качества своими работами. Его чувство исторического процесса со всеми нестыковками, парадоксами и двусмысленностями сформировало мой образ мышления о советской истории. Его призывы выходить за рамки идеологических и историографических стереотипов вдохновляют и ставят перед исследователями новые вызовы. Я также в долгу перед многими другими людьми за их конструктивную критику и поддержку. Прежде всего я хочу поблагодарить своих коллег с исторического факультета Делавэрского университета. Работать в окружении таких доброжелательных и энергичных ученых — сплошное удовольствие. Также я хочу поблагодарить Джона Барбера, Мэри Фисселл, Джона Хэтча, Роджера Горовица, Вал Кивельсон, Хенрику Куклик, Джеймса Миллара, Джека Прессмана, Альфреда Рибера, Дэвида Седика, Мерритта Роу Смита и Элизабет Вуд. Шейла Фицпатрик, Дайан Кoenкер, Даниэль Орловский, Джон Ширер, Льюис Сигельбаум, Рон Суни и Реджинальд Зельник читали отрывки из этой книги в различных вариациях: в виде отдельных глав, докладов на конференциях и черновиков статей. Я благодарен им за многочисленные комментарии и предложения. Отдельно я хочу поблагодарить Андреа Грациози, Джима Хайнцена и Олега Хлевнюка за внимательную вычитку разных глав и наши частые дискуссии. Мне также очень помогла конструктивная критика анонимных рецензентов *Cornell University Press*. Я последовал многим из высказанных ими предложений, и от этого книга стала гораздо лучше. Кроме того, я благодарен за поддержку и живой интерес директору *Cornell University Press* Джону Дж.

Акерману и его сотрудникам за проделанную работу. Кропотливая редактура Барбары Салазар уберегла меня от многих ошибок и превратила сырой черновик в настоящую книгу.

Наконец, я хочу поблагодарить Сару Трэйси, которая читала и обсуждала со мной бесчисленные черновики моих глав. Мне невероятно помогла ее проницательная критика как историка и первоклассного стилиста. Ее поддержка придавала мне сил. Я благодарен за то, что она была со мной все эти годы.

Я хотел бы поблагодарить Рину Борисову из издательства Academic Studies Press за то, что она связалась со мной по поводу переиздания этой книги. Выражаю особую признательность дизайнеру Ивану Граве и ответственному редактору Ивану Белецкому за редактирование и работу над обложкой, а также заведующей редакцией Инне Емельяновой. Я также глубоко благодарен переводчику Егору Позднякову за его внимание не только к точному переводу текста, но и к проверке ссылок.

Д. Р. III.

Предисловие к русскому изданию

Эта монография была опубликована на английском языке в 1997 году. Это была моя первая книга. Многие её положения сохранили актуальность, хотя на протяжении всего этого времени я хотел внести в текст по крайней мере пару изменений. Описывая советскую индустриальную систему, сложившуюся при Сталине в конце 1920-х годов, я заключил, что она была «ни плановой, ни социалистической» (с. 240). Первая часть этого вывода требует уточнения. Вторая часть не вполне исторична. Хаос, описанный в книге, действительно характеризовал сталинскую индустриальную систему конца 1920-х — начала 1930-х годов — эпоху первого пятилетнего плана 1928–1934 годов. Этот хаос возник одновременно с одними из наиболее поразительных достижений сталинской индустриализации — строительством гидроэлектростанций, металлургических заводов и т. п. Некоторые рецензенты упрекали меня в том, что я подчеркнул дисфункциональные стороны сталинского индустриального государства, не осветив при этом его достижения. Если «в плане не было планирования», то как режим смог достичь того, чего достиг? Эта критика справедлива, и мне следовало бы яснее изложить аргументацию. Тем не менее я по-прежнему стою на позиции, что сталинское индустриальное государство периода первой пятилетки (1928–1934 годы) следует описывать как милитаризованную мобилизационную экономику, но не как плановую. Это два разных подхода к управлению, и впечатляющие успехи первой пятилетки явились именно результатом мобилизационных механизмов сталинской системы, а не систематического планирования.

Крупные престижные проекты, доведённые до завершения, — введённые в строй плотины, металлургический рывок — стали результатом прямого вмешательства на самом высоком уровне, вплоть до лидеров Коммунистической партии, но не рациональной системы планирования и распределения. Руководители Магнитогорского металлургического комбината и «Кузнецк-строя» имели прямую телефонную связь с московским кабинетом Серго Орджоникидзе, возглавлявшего советскую тяжёлую промышленность. Эти стройки получали всё необходимое — ресурсы, рабочую силу, экспертизу — зачастую путём прямого административного вмешательства. Другие, даже важные сектора экономики приходили в упадок, иногда почти на грани коллапса, из-за отсутствия внимания, чётких целей, регулярных поставок, квалифицированной рабочей силы и управленческого контроля. Именно командная система — технократический подход, игнорировавший экономические и финансовые показатели, определял лицо сталинского индустриального государства конца 1920-х — начала 1930-х годов. Дисбалансы и изъяны системы, включая «принудительные успехи», заставили руководство уже в 1933 году отступить и попытаться вернуться к более финансово рациональному и экономически сбалансированному пути модернизации. Хотя элементы ранней системы продолжали осложнять развитие советской экономики и промышленности, было бы преувеличением описывать все 1930-е годы теми же красками и штрихами, что и первые годы. Иными словами, книга описывает не всё сталинское индустриальное государство, а радикальный момент его генезиса.

На мою интерпретацию сильное влияние оказал классический труд по экономической истории Э. Х. Карра и Р. У. Дэвиса в их двухтомном исследовании *Foundations of a Planned Economy, 1926–1929* (Лондон: Macmillan, 1969). Их работа послужила основой для моего описания формирующейся индустриальной системы середины 1920-х годов — институциональных, хозяйственных и экономических структур, составивших фундамент социалистической плановой индустриальной системы. Однако, как показано в моей книге, начиная с 1928 года сталинские ради-

калы начали атаковать и подрывать эти основания, создавая взамен авторитарное и технократическое индустриальное государство, реализовавшее первый пятилетний план. Их целью было искоренить рынок и экономическую логику и создать великую технократическую «державу». Им нравилось это слово — «индустриальная держава» — с его ностальгическими, даже имперскими коннотациями мирового статуса и авторитарной мощи. И именно это государство стояло как за достижениями, так и за хаосом первой пятилетки. Этот радикальный момент длился недолго — всего лишь с 1929 по 1932 годы, — но он имел большое значение. Многие исследования рассматривают переход Советского государства от квазирыночных условий нэпа к плановой экономической системе 1930-х годов, но нередко упускают этот промежуточный период. Эта книга описывает сталинский эксперимент по созданию индустриальной державы.

Второй из моих выводов — что сталинская индустриальная система не была социалистической — невозможно защитить. Разумеется, она была социалистической, особой формой милитаризованного или «военного» социализма, как я описывал в более поздних публикациях. Утверждать, что она не была социалистической лишь потому, что жестко эксплуатировала ресурсы, а не была социально направленной, — ограничено и неисторично. Будучи молодым исследователем, я всё ещё находился под сильным влиянием категорий, предложенных моим научным руководителем Моше Левиным, что и отразилось в этой книге. Из последующих публикаций очевидно, что мои взгляды значительно изменились, но я решил не менять и не «обновлять» интерпретацию в этом переводе. Книга остается отражением моих взглядов в определенный момент моей научной биографии.

Если бы я переписывал эту монографию, я бы, как предложил один из рецензентов, сильнее подчеркнул технократические элементы, характерные для сложившейся сталинской системы. Однако и в нынешнем виде, я считаю, технократическая линия, проходящая через книгу, остаётся одной из наиболее устойчивых частей аргументации. В широком смысле технократия означает правление специалистов или управление на основе экспертного

знания. В книге же под технократическими элементами подразумевается специфика сталинской индустриальной системы, где приоритет отдавался техническим и инженерным решениям, управлению через физические показатели (тонны, метры, киловатты) и административным методам распределения ресурсов, тогда как экономическая логика и социальные факторы сознательно отодвигались на второй план.

Многие специалисты, особенно профессиональные экономисты и управленцы, даже не будучи противниками социалистической системы, выступали против сталинского курса на устранение рыночных механизмов и реалистического финансового планирования, против движения к командно-административной модели развития промышленности. В то же время другая их часть, особенно инженеры и представители советской технической интеллигенции, с энтузиазмом поддерживали технократические аспекты складывающейся системы. Это было не просто поколенческое явление, когда молодые коммунистические «практики» наивно загорались большевистской склонностью к «штурму высот». Многие представители советской технической и управленческой прослойки охотно присоединялись к большевистским кампаниям, проводимым Рабкрином — государственным инспекционным органом, — по демонтажу рыночных и хозяйственно-учётных методов и их замене физическими показателями и административными мерами. Они рассматривали это как позитивный шаг к максимизации технологического потенциала, позволявший выйти за рамки извечной конфронтации между трудом и капиталом и финансового балансирования, на котором настаивали экономисты.

Технократические элементы сталинской системы перекликались с мощным международным движением специалистов-управленцев, которые по тем или иным причинам стремились высвободить производительный потенциал индустриальной технологии из «оков» экономических, социальных и капитальных ограничений. Многие из этих тенденций относились к движению научного менеджмента, хотя движения научного менеджмента, такие как система Тейлора, сосредотачивались главным образом

на высвобождении предполагаемого полного потенциала рабочей силы. Их поддерживали управленцы, которые с одной стороны стремились просто найти способы повышения производительности труда и ослабления влияния профсоюзов, маскируя рост эксплуатации труда под видом науки. С другой стороны, эти идеи находили отклик и среди социалистически настроенных симпатизантов. В раннем Советском Союзе это движение получило название «научная организация труда» и было тесно связано с технократическими устремлениями многих представителей технической среды.

Я благодарен издательству ASP за предложение переиздать эту книгу на русском языке. Я также признателен переводчику Егору Позднякову за его внимание не только к точности передачи текста, но и к проверке ссылок. Три газетные ссылки, однако, по причинам доступа остаются некорректными; в примечаниях они обозначены пометкой [sic]. Особую признательность выражаю Марине Доброновской, которая поддержала идею перевода и помогла в редактировании окончательного текста.

Введение

Сталинизм и индустриальное государство

В своей книге «Двадцатилетний кризис» Э. Х. Карр писал, что Первая мировая, или европейская Великая война, ознаменовала собой окончательный разрыв с прошлым континента. Масштабы бойни — несколько миллионов погибших в период с 1914 по 1918 год — и последовавший хаос заставили многих европейцев отказаться от преимущественно либеральных экономических и политических ценностей XIX века. В 1920-х годах и в смутное время Великой депрессии европейские страны все чаще стали обращаться для решения многочисленных проблем своих сообществ к авторитарным методам. Как отмечал Карр, эти десятилетия небывалой экономической и социальной нестабильности поляризовали европейские общества и привели к подъему массовых радикальных политических движений как левого, так и правого толка [Carr 1946].

В Южной и Центральной Европе отказ от либерализма и парламентаризма в конечном счете породил две великие диктатуры: фашистскую Италию Бенито Муссолини и национал-социалистическую Германию Адольфа Гитлера. Почти по всему континенту — в Испании, Польше, Румынии, Венгрии и т. д. — слабые монархии и республики становились жертвами военных хунт и тиранов. В России Великая война завершилась социалистической революцией и падением самодержавия. Социал-демократи-

ческие революционные порывы 1917 года быстро сменились диктатурой, которую в 1920–1930-х годах установил генеральный секретарь правящей Коммунистической партии Советского Союза И. В. Сталин.

Чаще всего имя Сталина связывают с системой политического произвола и террора, созданной советским диктатором при жизни. Но как исторический феномен сталинизм также ассоциируется с индустриальной революцией, которая всего за десятилетие превратила СССР из аграрно-крестьянского общества в военно-промышленную сверхдержаву [Lewin 1995]. Масштабы перемен в Советском Союзе в конце 1920-х — начале 1930-х годов захватывали дух, как и безрассудная смелость Коммунистической партии и государственных чиновников, возглавивших промышленный подъем страны. Как и миллионы людей, строивших и работавших на советских заводах и в колхозах, они справедливо считали себя модернизаторами России. Строители сталинской промышленности видели себя участниками всемирно-исторической борьбы за освоение огромных пустых пространств страны и создание практически с нуля новой цивилизации. Они считали, что строят первое в мировой истории социалистическое государство.

Сталинский «великий перелом», как называли советскую индустриализацию, безусловно, фундаментально изменил промышленную экономику. На эти годы также пришлось хаотичная и жестокая перестройка социальных и экономических отношений и реорганизация властной иерархии. Но что именно появилось на свет в 1930-е годы в результате, было и остается предметом ожесточенных споров. Многие наблюдатели считают террор и авторитаризм сущностью сталинизма — и действительно, через эту призму стоит рассматривать всю советскую историю. Другие оправдывают сталинскую версию государственной диктатуры как единственную реальную защиту социализма от реконструкции европейского капитализма, а затем, после Первой мировой, и фашизма. В то же время сталинизм осуждали как величайшее предательство идей социализма и средство, с помощью которого Сталин и его окружение концентрировали власть в своих руках

путем нарочитого и циничного уничтожения советского общества. Некоторые ученые подчеркивают преемственность российской истории и утверждают, что сталинская диктатура являлась в значительной степени возрождением российского государства, так сказать, историческим реваншем после коммунистической революции. Но находятся и те, кто в попытке уйти от идеологии настаивает на том, что советская индустриализация была, по сути, радикальной формой модернизации, отречением от российского прошлого и продолжением тенденций, начавшихся в Европе с промышленной революции XVIII–XIX веков¹.

В реальности, хотя призыв к социалистическому строительству и служил главным обоснованием сталинской индустриализации, суть сталинизма как политической и промышленной системы не была социалистической. Неверно было бы и считать его предательством социализма. Сталинизм уж точно не был простым возрождением российского государства или очередной главой якобы продолжавшегося шествия прогресса и промышленной революции. Он представлял собой уникальную разновидность тирании модернового индустриального государства, сложную, зачастую противоречивую и постоянно совершенствовавшуюся систему политической экономии, государственно-бюрократических отношений и социальных форм организации. Корни сталинского государства, безусловно, надо искать в российском — прежде всего крестьянском — прошлом, которое в значительной степени сформировало новое государство и новый режим. Но в то же время оно было во многом продуктом европейского опыта XX века. Массированная индустриализация, начатая Сталиным в конце 1920-х годов, и создание могущественного советского государства, которое шло параллельно с советской промышленной революцией, осуществлялись не в исторической изоляции; все это было частью процессов кризиса и реконструкции, охвативших Европу после Первой мировой войны. Как происходила сталинская революция, что в ней было уникального, а что являлось продолжением общеевропейских тенденций — таковы темы

¹ Обзор этих споров см. в [Boffa 1992].

данной книги. В последующих главах некоторые ключевые вопросы сталинизма будут заново рассмотрены на основе тщательного анализа советской государственной и промышленной экономики конца 1920-х — начала 1930-х годов, а также борьбы за создание нового советского государства и общества, которая велась в то время.

Исторический контекст: революция и реконструкция

По мере того как Первая мировая война близилась к завершению, Европу захлестнули социальные и политические потрясения. Почти во всех странах обострились конфликты между демократическими и социалистическими «силами перемен» и консервативными «силами порядка»². Во всех проигравших империях — Австро-Венгерской, Германской и Российской — произошел крах авторитарных режимов. По бывшим имперским территориям прокатилась волна беспорядков, грозившая превратить политическое свержение старого строя в полномасштабную революцию. Послевоенное революционное движение бросало вызов отношениям собственности и власти, лежавшим в основе европейского капитализма и обеспечивавшим господство консервативной буржуазии.

Первая и самая серьезная революционная вспышка произошла сразу после заключения перемирия в 1918 году. В то время европейские консервативные элиты защищали свои интересы либо путем откровенных репрессий и гражданских войн, либо с помощью компромиссов с новыми демократическими правительствами, как это было в Германии. В конечном счете им все же удалось сдержать революционную волну. К 1921 году политический консерватизм восстановил свои позиции, и уже к концу 1923 года последняя революционная угроза рассеялась вместе с подавленным немецким «Октябрем» — неудачной попыткой Коммунистической партии Германии поднять народное восстание против юной Веймарской республики. В середине десятиле-

² В формулировке Чарльза Майера, см. [Maier 1975: 4].

тия консервативные элиты выработали новые механизмы, которые — через международные финансовые соглашения, объединение корпораций, усиление политического авторитаризма и рационализацию промышленности — обеспечили буржуазной Европе защиту от первых послевоенных вызовов. Будь то Франция Раймона Пуанкаре, Германия Густава Штресемана или Италия Бенито Муссолини, государственная поддержка частных интересов привела к появлению новой формы государственного капитализма: агрессивно-националистического, враждебного парламентаризму и антисоциалистического³.

Если в Западной Европе послевоенный кризис вернул к власти консервативные буржуазные силы, то в России крушение старого порядка вылилось в полномасштабную революцию. Полный политический крах наступил в феврале 1917 года, после нескольких лет изнурительной войны с Германией, вместе с отречением царя Николая II. В течение девяти месяцев страной пыталась управлять хрупкая политическая коалиция. Состоявшее из представителей российских имущих и консервативных классов Временное правительство надеялось добиться легитимности и стабильности, взяв на себя обязательства по конституционному правлению, защите прав собственности и прежде всего защите нации, что предполагало продолжение войны с Германией. Но и оно было сметено мощью революционных потрясений. На протяжении всего 1917 года в сельской местности вспыхивали стихийные крестьянские восстания, приводившие к перераспределению отобранной у помещиков земли. В городах и без того слабое влияние Временного правительства ограничивалось вооруженными солдатами и рабочими советами, фактически контролировавшими государственную власть. После серии политических кризисов в июле и августе 1917 года народное революционное движение достигло своей кульминации в октябре, когда власть захватили В. И. Ленин и вооруженные отряды, преданные большевистской фракции Российской социал-демо-

³ Хронология и общие контуры европейского среднего класса взяты мной из [Maier 1975].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru